

Станислав Савицкий

Что знает кириллица?

ИДЕЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В «ЭКЛОГЕ 4-й» И ЭССЕ И. БРОДСКОГО

Stanislav Savickij

What Does Cyrillic Know? The Idea of Poetic Language in "Eclogue 4th" and Essays by J. Brodsky

Станислав Савицкий (Эберхард Карл Университет (Тюбинген), научный сотрудник, профессор; PhD) stassavitski@yahoo.com.

Stanislav Savickij (PhD; Research Fellow, Professor, Eberhard Karl University of Tübingen) stassavitski@yahoo.com.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, эклога, Вергилий, время, язык, Уистан Хью Оден, Дерек Уолкотт

Key words: Joseph Brodsky, eclogue, Virgil, time, language, Wystan Hugh Auden, Derek Walcott

УДК: 82.091+82-311.6

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_163

UDC: 82.091+82-311.6

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_163

Статья посвящена представлениям Иосифа Бродского о поэтическом языке. Они описываются как эстетическая автоконцептуализация или мифотворческий проект поэта на основе анализа его эссе, публичных выступлений и «Эклоги 4-й («Зимней»)». «Эклога 4-я» ранее недостаточно изучалась в контексте идей И. Бродского о языке. Между тем это один из первых текстов, в которых они сформулированы. Уже в нем становится очевидным, что в формировании представлений поэта о поэтическом языке, опосредованных национальной идеей, важную роль сыграли произведения зарубежных авторов. Вера И. Бродского в творческую силу русского языка была отчасти основана на его увлечении поэзией У.Х. Одена и Д. Уолкотта, а также на актуализации модернистской архаики (неоскифская мифология, отсылающая к четвертой книге «Истории» Геродота).

The article is devoted to Joseph Brodsky's ideas about poetic language. They are described as an aesthetic auto-conceptualization or myth-making project of the poet based on the analysis of his essays, public speeches and "Eclogue 4th (Winter)". "Eclogue 4th" has not been sufficiently studied in the context of J. Brodsky's ideas about language. Meanwhile, this is one of the first texts in which they are formulated. This text demonstrates that in the formation of the poet's ideas about the poetic language, mediated by national ideas, the works of foreign authors played an important role. J. Brodsky's belief in the creative power of the Russian language was partly based on his passion for the poetry of W.H. Auden and D. Walcott, as well as on the actualization of modernist archaism (Neo-Scythian mythology, referring to the 4th book of Herodotus' "History").

Не без иронии и как будто бы даже почти в шутку в одном из своих многочисленных публичных выступлений Иосиф Бродский говорит об особенном отношении русских к своему родному языку, воскрешая историко-культурные мифы, которыми вдохновлялись русские футуристы. На встрече со студентами Университета Айовы (1978) поэт размышляет о своего рода лингвистическом нарциссизме, очарованности родным языком, свойственным русским. Речь об этом заходит в финале беседы, которая, судя по некоторым его ответам на вопросы и общему тону, представлялась ему несколько простоватой, а именно — в ответе на наивный вопрос о том, может ли иностранец понять русскую поэзию. Первой реакцией Бродского было пресечь саму возможность это обсуждать, но тут идея национального духа, воплощенного в языке, в очередной раз

овладела поэтом, — и на подмогу русскоязычным литераторам эпохи Брежнев и Картера внезапно пришли скифы:

В четвертой книге своей «Истории» Геродот рассказывает о Скифии, о скифах, обитавших на севере от Танаиса, — эти места, как я полагаю, находятся на территории современного Донца. Уже само название этого племени подозрительно для русского уха. Будины. Это от глагола «быть», чья форма в будущем времени звучит «будет», похоже на «будины»... <...> Геродот описал их в очень общих чертах. Жили они в лесных краях, строили лодки, дома, молельни из дерева, и он пишет, я потом проверял это по-гречески, потому что был потрясен тем, что прочитал: «И были они изумлены своим собственным языком». «Изумлены, потрясены своим собственным языком» [Иосиф Бродский 2000: 23].

Этой остроумной, хотя едва ли правдоподобной ремаркой поэт подытожил сбивчивый разговор и даже придал ему некоторую законченность. Скифские войны не впервые обеспечили надежный тыл русским писателям. Четвертой книгой «Истории» Геродота, посвященной скифам, в 1910-е годы вдохновлялись Велимир Хлебников, Давид Бурлюк и другие члены группы «Гилея», включая Владимира Маяковского. Бродский мог не связывать название гилеевского сборника «Молоко кобылиц» со знаменитым описанием в начале четвертой книги Геродота того, как скифы ослепляют рабов, которые доят кобылиц. Он мог не знать ни про этот фрагмент из «Истории», ни про полутораглазого стрельца — скифского героя из одноименных воспоминаний Бенедикта Лившица, в котором воплощались некоторые утопические художественные представления будетлян, ни тем более про открытия археологов во время раскопок в Северном Причерноморье, которые поразили воображение братьев Бурлюков [Савицкий 2018]. Тем не менее едва ли стоит сомневаться в том, что скифские стихотворения Хлебникова и сам будетлянский миф были интересны эмигрировавшему из СССР в 1972-м поэту той архаикой, которая инспирировала многих российских и зарубежных интеллектуалов модернистской эпохи [Шевеленко 2017; Boletsi 2015; Kunichika 2015; Sharp 2006]. Этот экспромт на будетлянские мотивы — пример поэтической мифологии Бродского. Исследователям на настоящий момент сложно судить о том, как именно поэт «потом проверял по-гречески» цитату, которая якобы произвела на него столь сильное впечатление. Попытки обнаружить слова об изумлении своим языком, предпринятые в том числе автором данной статьи, в оригинале Геродота, в переводах, в переложениях разного времени на известные Бродскому к концу 1970-х иностранные языки или в косвенно связанных с геродотовской «Историей» текстах, оказались тщетными [Ахапкин 2014]. Геродот ничего подобного не писал, древнегреческого Бродский не знал. Похоже, это выдумка.

Это выступление далеко не самое удачное среди прочих его публичных выступлений. Куда более убедительно Бродский, уже будучи нобелевским лауреатом, наставлял выпускников Мичиганского университета, где ему довелось преподавать после приезда в США, удивительным образом сочетая пафос и профессиональную преподавательскую иронию [Савицкий 2022]. К 1978-му он, по всей видимости, еще не успел наработать необходимый в аудитории арсенал шуток, но и тогда и впоследствии юмор был для него аранжировкой многих тем и сюжетов, к которым он относился с предельной серьезностью. И пусть произнесенные перед студентами Университета Айовы слова даже не интонированы как серьезный стейтмент, тем не менее культ русского языка

как универсального поэтического языка при всех отличиях в понимании языка футуристами и Бродским — далеко не забавная фантазия, посетившая автора во время несколько неловкого разговора. Это творческая одержимость поэта. Составитель «Большой книги интервью» Валентина Полухина считает повторы, встречающиеся в 153 беседах и выступлениях, отобранных для этого издания (в том числе и выступление 1978 года), важными для творчества поэта смыслами или сюжетами, которые поэт на протяжении продолжительного времени считал необходимым обдумывать [Иосиф Бродский 2000: 6]. Мысль о языке как самодостаточной силе и поэте как его инструменте — один из наиболее важных подобных повторяющихся стейтментов.

Бродский принадлежал к любителям и знатокам античности, находившим в древности актуальное и понимавшим современность как модернизацию древности [Бродский 2008: 245]. В его фантазии или лукавом экспромте национальный поэтический язык провозглашался продолжением скифского¹, что вполне сопоставимо с такими репрезентациями национального, как восходящая к японскому оригиналу матрешка или русский пейзаж в исполнении передвижников, подражавших дюссельдорфской школе и барбизонцам. Пожалуй, это в не меньшей мере забавно, поскольку тот язык или языки, которые лингвисты прошлого столетия и современные лингвисты гипотетически, с многочисленными оговорками реконструируют как скифский или скифские, именно к русскому языку не имеют ни малейшего отношения. Так, например, одна из недавних гипотез, высказанных группой исследователей, изучивших древнегреческие транскрипции скифских слов, сохранившиеся на вазах, допускает, что ближе всего к скифскому из современных языков языки малых кавказских народностей [Mayor et al. 2000]. Таким образом, в этом травестийном обыгрывании глубокой веры Бродского в творческую силу русского языка мы обнаруживаем игру с архаичными инокультурными мифами и сюжетами.

О творческой силе поэтического языка, определяющей идентичность поэта, вслед за Бродским неоднократно писали исследователи его творчества [Ахалкин 2000; Библер 1993: 174—182; Пярли 1996; Polukhina 1989: 60—66, 169—181]. По удачной формулировке Льва Лосева, «Бродский сделал из языка идол» [Полухина 1997: 26]. Космополитизм И. Бродского и возможность выбора писать как по-английски, так и по-русски не упраздняли его веру в русский язык, наполнявший его поэтической энергией и являвшийся для него главным поэтическим инструментом. Язык понимался И. Бродским при его последовательном неприятии советского строя как явление, опосредованное национальной идеей и неразрывно связанное с ней. В интервью поэт не раз ставил свои стихи, написанные на английском, ниже русских.

Национальная самобытность как культурная конструкция предполагает межнациональную систему идентичностей, вне которой говорить о специфическом, тем более уникальном, проявлении национального невозможно. Подобная система функционирует за счет взаимодействия ее элементов, их взаимного воздействия друг на друга, например, путем заимствования и апроприирования. Об этом свидетельствуют упомянутые выше воспроизведение в русском национальном пейзаже ландшафтной живописи дюссельдорфской

1 С похожей иронией, не упраздняющей серьезности, Бродский в «Письме Горацию» называет свой родной язык «гиперборейским» [Бродский 2001, VI].

школы и барбизонцев или японская родословная такого популярного символа России, как матрешка. Межкультурный трансфер — механизм разработки представлений о национальном. Идеи И. Бродского о поэтическом языке также складывались в диалоге с зарубежными писателями и мыслителями, что не упраздняет никоим образом влияния других учителей поэта, упомянутых в его Нобелевской лекции: Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Учеба его у русских поэтов — сюжет для многотомного исследования. О том, из каких «посторонних», апроприированных элементов могла состоять эта творческая мифология, — своего рода кредо И. Бродского, — пойдет речь в данной статье. Попытаемся описать другие, помимо скифского мифа, более существенные компоненты представлений Бродского о поэтическом языке.

Поэтическому языку посвящено несколько эссе Бродского («Шум прибора», «О Дереве Уолкотте», «Поклониться тени» и др.), «Эклога 4-я (Зимняя)», его Нобелевская лекция и некоторые его публичные выступления. Реконструировать представления Бродского о поэтическом языке и их источники целесообразно обратившись к упомянутым текстам, сосредоточившись на «Эклоге 4-й», о которой в этой связи говорилось меньше. Это относительно раннее из написанных в эмиграции произведение² позволяет судить о его «теории» языка до того, как она сформировалась и была сформулирована в эссе и Нобелевской лекции³. Основные составляющие его представлений о языке в этом стихотворении присутствуют, что позволяет нам в дополнение к тому, как Денис Ахапкин рассматривает размышления Бродского о лингвистике в качестве своего рода *folk linguistics*, созвучные идеям Уорфа [Ахапкин 2000], видеть в них в первую очередь эстетические автоконцептуализации, творимые поэтом мифы. Сам поэт в одном из разборов стихотворений классиков Серебряного века, не претендуя на филологическую обоснованность, назвал свои суждения и толкования «интуитивным синтезом» [Бродский 2001, VII: 170]. Эта формулировка тоже хорошо описывает предмет, которому посвящена данная статья.

В «Эклоге 4-й» есть некоторые детали и акценты, которые дают возможность размышлять об идее языка у Бродского, дополняя общеизвестное новыми наблюдениями и предположениями. В частности, интересно то, что это стихотворение, писавшееся в эмиграции, одновременно с началом перехода Бродского на английский, представляет собой апологию русского языка, русской поэзии. Для человека, порвавшего с СССР, предпринимающего попытки стать англоязычным писателем и как раз во второй половине 1970-х начинающего описывать этот опыт в первых английских эссе, такое высказывание как будто бы несколько непоследовательно. Попытаемся прокомментировать это и некоторые другие обстоятельства.

«Эклога» открывается метафорой письма как отчуждения/остранения: «перо скрипит как чужие сани» [Бродский 1990: 114] — таков финал первой строфы. Это стихотворение, создававшееся тогда, когда поэт владел английским уже на более высоком, чем до эмиграции, уровне, начинается с указания

2 Впервые опубликовано в журнале «Континент» (1980. № 26. С. 7–13).

3 Об «Эклоге 4-й (Зимней)» И. Бродского см., например: [Ахапкин 2021; Глазунова 2005; Медведева 2006; Фунтусова 2005; Шерр 2002; Kudriavtseva, Saunders 2006; Polukhina 1989: 251–257], а также комментарии Л. Лосева в двухтомнике «Стихотворения и поэмы» [Бродский 2017: 463–467].

на расподобление письма и расподобление языка. Д. Ахапкин в статье «Бродский и Вергилий» трактует эту строку как преодоление «страха влияния» [Ахапкин 2021: 294], полемизируя с А.М. Ранчиным, который понимает их как слова об отчужденности «поэта от подписанных его именем стихотворений» [Ранчин 2001: 247]. Д. Ахапкин, соглашаясь с предположением Л. Лосева о том, что в этой строке обыгрывается поговорка «Не в свои сани не садись» [Бродский 2017, 2: 464], прочитывает ее как проведение границы между эклогой Вергилия и эклогой, которую пишет Бродский. Эклога Бродского аннотирована в первой строфе как текст, вдохновленный Вергилием, но пишущийся на свой лад.

Эту трактовку, которая подтверждается установкой Бродского на модернизацию античности, можно было бы дополнить еще одним соображением. Русская поэзия для эмигранта, стремящегося найти себя в другой литературной традиции, больше не единственно возможная языковая и литературная сфера идентификации. Билингвизм предоставляет выбор между двумя литературными и историко-культурными пространствами. В конце 1970-х и начале 1980-х Бродский знал английский лучше, чем тогда, когда пытался со словарем переводить цитату из Джона Донна, получившую известность благодаря роману Хэмингуэя «По ком звонит колокол», хотя и недостаточно для того, чтобы считать себя англоязычным поэтом, но при всем при том уже достаточно для того, чтобы осознать язык как внеположные инструмент и силу, остранить язык⁴. Причем в ситуации билингвизма русский язык наделяется существенной функцией — это язык поэзии и частной жизни автора, как следует из его размышлений середины 1980-х, в которых он дает объяснение тому, почему эссе «Полторы комнаты», посвященное родителям, семейной истории, детству, должно быть написано по-английски:

Я пишу о них (своих родителях М. Вольперт и А. Бродском. — С.С.) по-английски, ибо хочу даровать им резерв свободы; резерв, растущий вместе с числом тех, кто пожелает прочесть это. Я хочу, чтобы Мария Вольперт и Александр Бродский обрели реальность в «иноземном кодексе совести», хочу, чтобы глаголы движения английского языка повторили их жесты. Это не воскресит их, но по крайней мере английская грамматика в состоянии послужить лучшим запасным выходом из печных труб государственного крематория, нежели русская. Писать о них по-русски значило бы только содействовать их неволе, их уничтожению, кончающимся физическим развоплощением. <...> По-русски я готов читать, писать стихи или письма. Однако Марии Вольперт и Александру Бродскому английский сулит лучший вид загробной жизни, возможно, единственно существующий, не считая заключенного во мне самом. Что же до меня самого, то писать на этом языке — как мыть ту посуду: полезно для здоровья [Бродский 2001, V: 324—325].

Английский в данном случае — язык памяти, язык истории, язык признания, язык свободы. Русский, с одной стороны, остается в семейной истории и общении с близкими, с другой — для Бродского он и есть поэзия. Нельзя сказать, что на данный момент мы можем четко проследить, как Бродский в то или иное время последовательно или непоследовательно (что было ему более свойственно и осознано им как присущая ему черта) соблюдал разделение англий-

4 Об истории становления И. Бродского как англоязычного писателя см. диссертацию Йона Кюста [Kyst 2004].

ского и русского на разные функции. Рассматривая представления Бродского о языке как совокупность его суждений и высказываний 1970—1990-х годов, можно предположить, что эти функции переопределялись по мере того, как поэт прогрессировал в английском, а также в зависимости от того, как разворачивались его литературный опыт и карьера, что, собственно, и предполагает ситуация выбора, предоставленного возможностью писать на разных языках. Мы ставим перед собой задачу попытаться описать созданный поэтом миф, его представление о творчестве, результат «интуитивного синтеза», а не выстроенную концепцию. Например, в «Письме к Горацию» автор объясняет своему адресату выбор языка следующим образом:

...я пишу тебе это на языке, с чьим алфавитом ты знаком лучше. Гораздо лучше, следовало бы добавить, чем я. Кириллица лишь озадачила бы тебя еще сильнее, хотя ты, без сомнения, узнал бы греческие литеры. Конечно, расстояние между нами слишком велико, чтобы беспокоиться из-за его увеличения — или пытаться его сократить [Бродский 2001, VI: 363].

Английский непосредственен в силу своей широкой распространенности, инструментален и не нагружен дополнительными коннотациями для русскоязычного поэта, видящего в античности модернизируемую традицию. «Эклога 4-я» и другие тексты Бродского, написанные в диалоге с Вергилием, подтверждают его тезис о том, что античность современна, и временная дистанция для тех, кто хочет претворять античный опыт в творчестве на свой лад, не является препятствием, а, напротив, раскрепощает, предоставляя уникальную свободу. Вергилианскую эклогу можно написать как новый поэтический опыт, в том числе на русском языке.

Итак, современная эклога, новый Вергилий пишутся остранным языком, языком, который не навязан и не скован принадлежностью к той или иной культуре или литературной традиции, но выбран и осмыслен как определенная система высказываний, определенный набор выразительных возможностей, определенная социальность, определенная просодия. Отметим также, что начало «Эклоги 4-й» свидетельствует о том, что для Бродского поэтический язык был также опосредован самим письменным процессом создания текста. К этому наблюдению мы вернемся в конце статьи. «Чужие сани» — метафора отчужденности и самодостаточности языка, самореализация которого возможна благодаря такому посреднику и инструменту, как поэт. В эссе «Поклониться тени», посвященном Одну, Бродский писал:

...язык... имеет свою собственную динамику и склонен, особенно в поэзии, использовать свои самопорождающие приемы: метры и строфы, заводящие поэта далеко от его первоначального назначения. <...> Язык, в конечном счете, сам себя сознает по определению, и он хочет освоиться в каждой новой ситуации [Бродский 2001, V: 267].

То, что это утверждение звучит именно в размышлении об Одне, свидетельствует о связи языковой концепции Бродского с идеями поэта, которого он считал среди своих учителей и который принял участие в его судьбе в начале жизни в Европе и США. Эту связь не раз отмечали исследователи и знатоки творчества Бродского [Ахапкин 2000], ссылаясь, например, на любовь Бродского к строкам Одена из стихотворения памяти Йейтса: «Time ... Worships langu-

age and forgives / Everyone by whom it lives»⁵ [Оден 1997: 186]. «Эклога 4-я» — размышление о времени, биографии и языке. Развернуто и от имени того частного человека, для которого поэтическая речь была залогом победы над советской системой, об этом же говорится в Нобелевской лекции:

...поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования [Бродский 1997, I: 15].

Самодостаточность языка и его реальность, воплощаемость истории в языке, сила, которой историческое время наделяет язык, — идеи, которые Бродский мог также почерпнуть в творчестве другого любимого им автора — Дерека Уолкотта. Именно ему посвящена «Эклога 4-я» в ответ на стихотворение «Forest of Europe», посвященное Бродскому [Соколов 2010]. Ниже следует отрывок из эссе о нем (предисловия к изданию переводов Уолкотта на шведский):

...задача поэзии в том, чтобы противостоять реальности, выдвигать ей как минимум лингвистическую альтернативу, закалять сердце перед любой возможностью, включая собственное окончательное поражение. Вещи такого рода не достигаются афористическими предложениями... они требуют языка племени полностью — его энергии, точности, звучности. Точнее, сам язык требует рупора, обладающего этими качествами [Бродский 2001, VII: 166].

Поэт, родившийся и выросший на карибском острове Сент-Люсия, Уолкотт был альтер-эго приехавшего из Советской России в США Бродского. Оба писателя — выходец из Вест-Индии и уроженец ингерманландских краев — мифологизировали соответственно юг и север и верили в самодостаточность языка как поэтической энергии:

...строки Уолкотта при обращении его к родной флоре и фауне напоминают о Линнее и Бэнксе. То же в настоящее время относится к американскому северу, с которым, из-за невозможности человеку его профессии зарабатывать на жизнь в Вест-Индии, он был вынужден ознакомиться с тщательностью сидящего в нем натуралиста (или Лукреция). Однако ни история народа, ни его тяготы, ни собственные затруднения не имеют, строго говоря, большого значения в поэзии. <...> Значимо лишь то, что он производит из них на бумаге — то, как они звучат [Там же: 167—168].

Бродский тоже не пренебрегает ботаникой, мешая в «Эклогe 4-й» ольшаник, розу, незабудку, настурцию, краснотал и хвощ с укропом, строя стихотворение как тематическую и стилистическую чехарду (плач Ярославны и бути-вуги, «галактическое прошлое» и редиска, Казимир Малевич и «ихнее (ангелов. — С. С.) воинство», время и «мясо немой Вселенной»). «Эклога 4-я» характерна для поэзии Бродского перенасыщенностью сведениями из разных сфер знания, это монтаж чрезвычайно разнообразных вещей, явлений и существ — читатель обескуражен энциклопедической и бессистемной образованностью автора. Бродский воспевает север как метафору поэтического претворения отчуждения — отчуждения экзистенциального, отчуждения метафизического. Оба поэта — пишущий на английском на задворках колониальной империи креол и

5 Перевод: «Время боготворит язык и прощает всякого, кем язык жив» (англ.).

еврей, выросший «в провинции у моря» и боготворивший русский язык, — культивировали маргинальность как бэкграунд, создающий то напряжение и ту силу сопротивления, которые способны наделять поэта особой экзистенциальной и культурно-политической способностью говорить от имени своей культуры и от имени своего народа⁶, «племени», как не без сарказма пишет Бродский:

...в конечном счете его (поэта. — С.С.) стихи автобиографичны, потому хотя бы, что язык, на котором они написаны, был его неизбежностью. Подобно океану, всегда отсылающему к себе самому, каждая поэтическая строка свидетельствует об истории племени: ибо язык вбирает в себя историю [Там же: 167].

Поэт как инструмент языка, таким образом, становится субъектом истории, существом, посредством которого поэзия наделяет смыслом время. В этом Бродский вновь идет по стопам Одена, неоднократно цитируя приведенные выше строки из стихотворения на смерть Йейтса:

Оден действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день. Ибо «обожествление» — это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства. Так меня учили, и я действительно так чувствовал. Так что, если время — которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество — боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? И не является ли песня, или стихотворение, и даже сама речь с ее цезурами, паузами, спондеями и т.д. игрой, в которую язык играет, чтобы реструктурировать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время? [Бродский 2001, V: 267—268].

Эта цитата возвращает нас к финалу «Эклоги 4-й», где русской поэзии вменяется пророческая сила, подобная предсказаниям Сивиллы Кумской: «кириллица знает больше, чем та сивилла, о грядущем». Приведем его целиком:

голос Музы
звучит как сдержанный, частный голос.
Так родится эклога. Взамен светила
загорается лампа: кириллица, грешным делом,
разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли,
знает больше, чем та сивилла,
о грядущем. О том, как чернеть на белом,
покуда белое есть, и после.

[Бродский 1990: 118]

Размышление о времени, поэзии и биографии поэта, стимулированное, как это свойственно некоторым эмигрантским стихам Бродского, депрессивным настроением оказавшегося вдали от дома лирического героя, после серии критических свидетельств о советской жизни и ностальгических переживаний, приводит к апологии русского поэтического языка. Заметим, что Бродскому

6 Ср.: «Скрепляющую (цивилизации, переживающие распад. — С.С.) работу... выполняют провинциалы, люди окраин» [Бродский 2001, V: 120].

в этом стихотворении кириллица важна исключительно как русская письменность, притом что она лежит в основе других современных и вышедших из употребления славянских языков. Кириллица национализирована в поэтической мифологии Бродского. Кирилл Соколов обращает внимание на то, что лампа, загорающаяся взамен светила, а также метаописательные две финальные строки переключаются со стихотворением «The Common Life» другого важного для Бродского поэта — Уоллеса Стивенса [Соколов 2010]⁷. Это еще одна интересная подробность того, как любовь к родному языку может быть инспирирована зарубежной поэзией. Отметим также очевидную переключку финальных строк («...кириллица... знает... о том, как чернеть на белом...») с тем, как Бродский интерпретирует стихотворения Уолкотта в эссе «Шум прибой»:

...вместо... расового самоутверждения Уолкотт выбирает иное, отождествляя себя с той «бестелесной гласной языка» (гласной «о» в слове Мооп. — С. С.)... Мудрость этого выбора, опять-таки, не столько его личная, сколько мудрость языка, а вернее, мудрость письма: черного и белого. Он — просто перо, сознающее свое движение; это самосознание и сообщает красноречию его строк графическую четкость [Бродский 2001, V: 123].

Перо, скрипящее, «как чужие сани» из первой строфы «Эклоги», возможно, тоже образ, связанный с восприятием Бродским поэзии Уолкотта.

Эклога Бродского завершается утверждением поэтической силы, данной осознающему стихию языка и его мудрость поэту. Для него Уолкотт, как и Оден, — единомышленник, и то, что поэты вдохновлены двумя разными языками — английским и русским, — в данном случае не является препятствием или помехой.

Пожалуй, в современной литературе сложно найти более убедительный, чем «Эклога 4-я», панегирик русскому языку. Даже всем известное со школы стихотворение в прозе Тургенева, растиражированное до стертости смысла, не выдерживает сравнения с «Эклогой 4-й». Разве что они одинаково интересны тем, что написаны под влиянием зарубежных поэтов (стихотворения Бодлера в прозе — один из источников тургеневского текста). Интересно, что Бродский не видел возможности вернуться на родину и при этом верил в то, что именно русский язык пророчествует как Сивилла Кумская из 4-й эклоги Вергилия, отрывок из которой о наступлении нового золотого века Аполлона вслед за веком железным Дианы вынесен в эпитафию. Эта похвала поэзии, проговаривающей и творящей будущее, опосредована идеями Одена, о которых с пафосом и любовью говорил Бродский в финале Нобелевской лекции:

...язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом — то есть всем лежащим впереди временем. И потенциал этот определяется не столько количественным составом нации, на нем говорящей, хотя и этим тоже, сколько качеством стихотворения, на нем сочиняемого. Достаточно вспомнить авторов греческой или римской античности, достаточно вспомнить Данте. Создаваемое сегодня по-русски или по-английски, например, гарантирует существование этих языков в течение следующего тысячелетия.

7 У Стивенса читаем: «A morbid light / In which they stand / Like an electric lamp / On a page of Euclid». А также заключительные строки «The Common Life»: «The paper is whiter / For these black lines» (цит. по: [Соколов 2010: 159]).

Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он — тот, кем язык жив⁸ [Бродский 1997, I: 15].

Время боготворит язык, кириллица знает больше, чем та сивилла, поэтическое письмо творит будущее. И Оден, и Бродский верили в один из ключевых мифов модернизма о поэзии как синтезе аналитического знания, интуитивного познания и пророчества, когнитивном опыте, предполагающим чрезвычайно высокую интенсивность интеллектуальной, эстетической и экзистенциальной работы: «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [Там же: 16].

В «Эклоге 4-й» Бродский начинает проговаривать ключевые идеи своей «теории» поэтического языка, которые впоследствии будут описаны в эссе и в публичных выступлениях. В те самые годы, когда поэт постепенно становится значимой интернациональной фигурой, русский поэтический язык наделяется им высшими полномочиями. Эта творческая аутомифология порождена идеями Одена и Уолкотта. Апофеоз русского языка опосредован любовью Бродского к поэзии Одена и увлечении оденовской идеей универсального поэтического языка как претворения истории, памяти и времени. Уолкотт и Стивенс также были важными собеседниками Бродского в его размышлениях о природе поэтического творчества. Вергилий подсказал траекторию поиска новой, современной эклоги. А тылы, как и во времена футуристов, прикрывал Геродот, которого от Бродского отделяла такая дистанция, что его легко было взять в союзники без лишних согласований с кем бы то ни было.

Библиография / References

- [Ахапкин 2000] — *Ахапкин Д.* Лингвистическая тема в статьях и поэзии И. Бродского о литературе // *Russian Literature*. 2000. Vol. XLVII. No. 3—4. P. 435—447. (*Akhapkin D.* Lingvisticheskaya tema v statyakh i poezii I. Brodskogo o literature // *Russian Literature*. 2000. Vol. XLVII. No. 3—4. P. 435—447.)
- [Ахапкин 2014] — *Ахапкин Д.* Об изумлении языком: Бродский и Геродот // *Политика литературы — поэтика власти*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 284—293. (*Akhapkin D.* Ob izumlenii yazykom: Brodskiy i Gerodot // *Politika literaturey — poetika vlasti*. Moscow, 2014. P. 284—293.)
- [Ахапкин 2021] — *Ахапкин Д.* Бродский и Вергилий: эклоги для нового времени // *Новое литературное обозрение*. 2021. № 3 (169). С. 285—300. (*Akhapkin D.* Brodskiy i Vergiliy: eklogi dlya novogo vremeni // *Novoe literaturnoe obzrenie*. 2021. No. 3 (169). P. 285—300.)
- [Библер 1993] — *Библер В.* Национальная русская идея? — *Русская речь* // Октябрь. 1993. № 2. С. 155—183.

8 Одена Бродский воспринимал не только как поэта, созидającego культурную идентичность нации, но и как инструмент языка, обеспечивающего существование империи: «Оден был одержим чувством, что язык, на котором он пишет, трансатлантический, или, лучше сказать, имперский: не в смысле британского господства, а в смысле, что именно язык создал империю. Ибо империи удерживаются... языками» [Бродский 2001, V: 218]. Впрочем, тут же со свойственной ему самоиронией Бродский добавляет: «Возможно, это демагогия; но она безвредна» [Там же: 219].

- (Bibler V. Natsional'naya russkaya ideya? — Russkaya rech' // Oktyabr'. 1993. No. 2. P. 155—183.)
- [Бродский 1990] — Стихотворения Иосифа Бродского. Л.: Алга-фонд, 1990. (Stikhotvoreniya Iosifa Brodskogo. Leningrad, 1990.)
- [Бродский 1997—2001] — *Бродский И.* Собрание сочинений: В VII т. СПб.: Пушкинский фонд, 1997—2001.
- (Brodskij I. Sobranie sochineniy: In VII vols. Saint Petersburg, 1997—2001.)
- [Бродский 2008] — *Бродский И.* Книга интервью / Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2008.
- (Brodskij I. Kniga interv'yu / Comp. by V. Polukhina. Moscow, 2008.)
- [Бродский 2017] — *Бродский И.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.: Лениздат, 2017. (Brodskij I. Stikhotvoreniya i poemy: In 2 vols. Saint Petersburg, 2017.)
- [Глазунова 2005] — *Глазунова О.И.* Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. СПб.: Нестор-история, 2005.
- (Glazunova O. Brodskiy: amerikanskiy dnevnik. O stikhotvoreniyakh, napisannykh v emigratsii. Saint Petersburg, 2005.)
- [Иосиф Бродский 2000] — Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000.
- (Iosif Brodskij. Bol'shaya kniga interv'yu / Comp. by V. Polukhina. Moscow, 2000.)
- [Полухина 1997] — *Полухина В.* Бродский глазами современников: сборник интервью. СПб.: Звезда, 1997.
- (Polukhina V. Brodskiy glazami sovremennikov: sbornik interv'yu. Saint Petersburg, 1997.)
- [Пярли 1996] — *Пярли Ю.* Синтаксис и смысл. Цикл «Часть речи» И. Бродского // Модернизм и постмодернизм в русской культуре / Сост. П. Песонен, Ю. Хейнонен, Г. Обатнин. Хельсинки: Изд-во Хельсинкского ун-та, 1996. С. 409—418.
- (Piarli Ju. Sintaksis i smysl. Tsikl "Chast' rechi" I. Brodskogo // Modernizm i postmodernizm v russkoy kul'ture / Comp. by P. Pesonen, Yu. Kheynonen, G. Obatnin. Helsinki, 1996. P. 409—418.)
- [Медведева 2006] — *Медведева Н.Г.* И. Бродский и античная буколическая традиция // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2006. № 5. С. 56—69.
- (Medvedeva N.G. I. Brodskiy i antichnaya buklicheskaya traditsiya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya". 2006. No. 5. P. 56—69.)
- [Оден 1997] — *Оден У.-Х.* Собрание стихотворений / Сост. и пер. с англ. В. Топорова. СПб.: Евразия, 1997.
- (Auden W.H. Sobranie stikhotvoreniy. Saint Petersburg, 1997.)
- [Ранчин 2001] — *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: интертексты Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (Ranchin A.M. "Na piru Mnemoziny": interteksty Iosifa Brodskogo. Moscow, 2001.)
- [Савицкий 2018] — *Савицкий С.* Об утонченном варварстве будетлян: скифская война против немцев и историко-археологические исследования Северного Причерноморья конца XIX — начала XX в. // Die Welt der Slaven. 2018. Vol. 63. Heft 2. S. 364—377.
- (Savickij S. Ob utonchennom varvarstve budetlyan: skifskaya voyna protiv nemtsev i istoriko-arkheologicheskie issledovaniya Severnogo Prichernomor'ya kontsa XIX — nachala XX v. // Die Welt der Slaven. 2018. Vol. 63. Heft 2. S. 364—377.)
- [Савицкий 2022] — *Савицкий С.* Строго по Бродскому. «Be good, Мышь!» в музее «Полторы комнаты» // Master's Journal. 2022, 31 января. <https://journal.masters-project.ru/be-good-mysh-v-muzee-poltory-komnaty/> (дата обращения: 14.12.2023).
- (Savickij S. Strogo po Brodskomu. "Be good, Mysh'!" v muzee "Poltory komnaty" // Master's Journal. January 31, 2022. <https://journal.masters-project.ru/be-good-mysh-v-muzee-poltory-komnaty/> (accessed: 14.12.2023).)
- [Соколов 2010] — *Соколов К.С.* Уоллес Стивенс в художественном восприятии Иосифа Бродского // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 157—162.
- (Sokolov K.S. Wallis Stevens v khudozhestvennom vospriyatii Iosifa Brodskogo // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. No. 4. P. 157—162.)
- [Фунтусова 2005] — *Фунтусова Т.* Диалог в эклогах // Иосиф Бродский: стратегии чтения. М.: Изд-во Ишполитова, 2005. С. 319—327.
- (Funtusova T. Dialog v eklogakh // Iosif Brodskiy: strategii chteniya. Moscow, 2005. P. 319—327.)
- [Шевеленко 2017] — *Шевеленко И.* Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (Shevelenko I. Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii. Moscow, 2017.)
- [Шерр 2002] — *Шерр Б.* Эклога 4-я (зимняя) (1977), Эклога 5-я (летняя) (1981) // Как работает стихотворение Бродского: из исследований славистов на Западе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 159—171.

- (Sherr B. Ekloga 4-ya (zimnyaya), Ekloga 5-ya (letnyaya) // *Kak rabotaet stikhotvorenje Brodskogo: iz issledovaniy slavistov na Zapade*. Moscow, 2002. P. 159—171.)
- [Boletsi 2015] — *Boletsi M.* Barbarism and its discontents. Stanford: Stanford University Press, 2015.
- [Kudriavtseva, Saunders 2006] — *Kudriavtseva T., Saunders T.* Finding Space for a Winter Eclogue: Joseph Brodsky and “Eclogue 4” // *Russian Literature*. 2006. No. 1. P. 97—111.
- [Kunichika 2015] — *Kunichika M.* “Our Native Antiquity”: Archaeology and Aesthetics in the Culture of Russian Modernism. Boston: Academic Studies Press, 2015.
- [Kyst 2004] — *Kyst J.* Brodsky’s Bilingualism. Practice and Prehistory. PhD thesis. Copenhagen: University of Copenhagen Press, 2004.
- [Mayor et al. 2000] — *Mayor A., Colarusso J., Saunders D.* Making sense of nonsense inscriptions associated with Amazons and Scythians on Athenian vases // *Hesperia*. 2000. Vol. 83. No. 3. P. 447—493.
- [Polukhina 1989] — *Polukhina V.* Joseph Brodsky. A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- [Sharp 2006] — *Sharp J.A.* Russian modernism between East and West. Natali’a Goncharova and the Moscow avant-garde. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.